

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 26

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1885–1889 ГГ.

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

2. *изд.* ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ
А. Е. ГРУЗИНСКОГО, И. К. ГУДВИЯ, П. И. ГУСЕВА, И. К. ИИЕСАНОВА,
И. С. РОДИОНОВА, И. П. САКУЛИНА, В. И. СРЕЗНЕВСКОГО, А. Л. ТОЛСТОЙ,
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО и К. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ
В СОСТАВЕ: В. Д. ВОИЧ-ВРУЕВИЧА, И. К. ЛУННОЛА
и М. А. САВЕЛЬЕВА

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТО М
26

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — 1986

**НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ
И НЕОКОНЧЕННОЕ**

1886—1889

[НИКОЛАЙ ПАЛКИНЪ.]

Мы ночевали у 95-лѣтняго солдата. Онъ служилъ при Александрѣ I и Николаѣ.

— Что умереть хочешь?

— Умереть? — Еще какъ хочу. Прежде боялся, а теперь объ одномъ Бога прошу: только бы покаяться, причаститься привелъ Богъ. А то грѣховъ много.

— Какіе же грѣхи?

— Какъ какіе? Вѣдь я когда служилъ? При Николаѣ; тогда развѣ такая, какъ нынче, служба была! Тогда что было? У! Вспоминать, такъ ужасъ беретъ. Я еще Александра засталъ. Александра того хвалили солдаты, говорили — милостивъ былъ.

Я вспомнилъ послѣднія времена царствованія Александра, когда изъ 100—20 человѣкъ забивали на смерть. Хорошо же былъ Николай, когда въ сравненіи съ нимъ Александръ казался милостивымъ.

— А мнѣ довелось при Николаѣ служить, сказалъ старикъ. И тотчасъ же оживился и сталъ рассказывать.

— Тогда что было, заговорилъ онъ. Тогда на 50 палокъ и портокъ не снимали; а 150, 200, 300... на смерть запарывали.

Говорилъ онъ и съ отвращеніемъ, и съ ужасомъ и не безъ гордости о прежнемъ молодечествѣ.

— А ужъ палками — недѣли не проходило, чтобы не забивали на смерть человѣка или двухъ изъ полка. Нынче ужъ и не знаютъ, что такое палки, а тогда это словечко со рта не сходило. Палки, палки!.. У насъ и солдаты Николая Палкинымъ прозвали. Николай Павлычъ, а они говорятъ Николай Палкинъ. Такъ и пошло ему прозвище.

— Такъ вотъ, какъ вспомнишь про то время, продолжалъ старикъ, да вѣкъ то отжилъ — помирать надо, какъ вспомнишь, такъ и жутко станетъ. Много грѣха на душу принято. Дѣло подначальное было. Тебѣ всыпать 150 палокъ за солдата (оставной солдатъ былъ унтеръ-офицеръ и фельдфебель, теперь кандидатъ), а ты ему 200. У тебя не заживетъ отъ того, а ты его мучаешь — вотъ и грѣхъ.

— Унтеръ-офицера до смерти убивали солдатъ молодыхъ. Прикладомъ или кулакомъ свиснетъ въ какое мѣсто нужно: въ грудь, или въ голову, онъ и помретъ. И никогда взыску не было. Помретъ отъ убоя, а начальство пишетъ: «властію Божию помре». — И крышка. А тогда развѣ понималъ это? Только объ себѣ думаешь. А теперь вотъ ворочаешься на печкѣ, ночь не спишь, все тебѣ думается, все представляется. Хорошо какъ успѣешь причаститься по закону христіанскому, да простится тебѣ, а то ужасъ беретъ. Какъ вспомнишь все, что самъ терпѣлъ, да отъ тебя терпѣли, такъ и аду не надо, хуже аду всякаго...

Я живо представилъ себѣ то, что должно вспоминаться въ его старческомъ одиночествѣ этому умирающему человѣку и мнѣ въ чужѣ стало жутко. Я вспомнилъ про тѣ ужасы, кромѣ палокъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе. Про загоняніе на смерть сквозь строй, про разстрѣливанье, про убійства и грабежи городовъ и деревень на войнѣ (онъ участвовалъ въ польской войнѣ), и я сталъ спрашивать его про это. Я спросилъ его про гоняніе сквозь строй.

Онъ разсказалъ подробно про это ужасное дѣло. Какъ ведутъ человѣка, привязаннаго къ ружьямъ и между поставленными улицей солдатами съ шпирутенами палками, какъ всѣ бьютъ, а позади солдатъ ходятъ офицеры и покрикиваютъ: «бей больнѣй!»

— «Бей больнѣй!» прокричалъ старикъ начальническимъ голосомъ, очевидно не безъ удовольствія вспоминая и передавая этотъ молодечески-начальнической тонъ.

Онъ разсказалъ всѣ подробности безъ всякаго раскаянія, какъ бы онъ разсказывалъ о томъ, какъ бьютъ быковъ и свѣжуютъ говядину. Онъ разсказалъ о томъ какъ водятъ несчастнаго взадъ и впередъ между рядами, какъ тянется и падаетъ забиваемый человѣкъ на штыки, какъ сначала видны кровяные рубцы, какъ они перекрещиваются, какъ понемногу рубцы сливаются, выступаютъ и брызжетъ кровь, какъ ключьями летитъ окровавленное мясо, какъ оголяются кости, какъ сначала еще кричитъ несчастный и какъ потомъ только охаетъ глухо съ каждымъ шагомъ и съ каждымъ ударомъ, какъ потомъ затихаетъ, и какъ докторъ, для этого приставленный, подходитъ и щупаетъ пульсъ, оглядываетъ и рѣшаетъ, можно ли еще бить человѣка или надо погодить и отложить до другого раза, когда заживетъ, чтобы можно было начать мученье сначала и добавить то количество ударовъ, которое какіе-то звѣри, съ Палкинымъ во главѣ, рѣшили, что надо дать ему. Докторъ употребляетъ свое знаніе на то, чтобы человѣкъ не умеръ прежде, чѣмъ не вынесетъ всѣхъ тѣхъ мученій, которыя можетъ вынести его тѣло.

Разсказывалъ солдатъ послѣ, какъ послѣ того, какъ онъ не можетъ больше ходить, несчастнаго кладутъ на шинель ничкомъ и съ кровяной подушкой во всю спину несутъ въ госпиталь

вылѣчивать съ тѣмъ, чтобы, когда онъ вылѣчится, добавить ему ту тысячу или двѣ палокъ, которыя онъ не дополучалъ и не вынесъ сразу.

Разсказывалъ, какъ они просятъ смерти и имъ не даютъ ее сразу, а вылѣчиваютъ и бьютъ другой, иногда третій разъ. И онъ живетъ и лѣчится въ госпиталѣ, ожидая новыхъ мученій, которыя доведутъ его до смерти.

И его ведутъ второй или третій разъ и тогда уже добиваютъ на смерть. И все это за то, что человѣкъ или бѣжитъ отъ палокъ или имѣлъ мужество и самоотверженіе жаловаться за своихъ товарищей на то, что ихъ дурно кормятъ, а начальство крадетъ ихъ паёкъ.

Онъ разсказывалъ все это, и когда я старался вызвать его раскаяніе при этомъ воспоминаніи, онъ сначала удивился, а потомъ какъ будто испугался.

— Нѣтъ, говорить, это что-жъ, это по суду. Въ этомъ развѣ я причиненъ? Это по суду, по закону.

То же спокойствіе и отсутствіе раскаянія было у него и по отношенію къ военнымъ ужасамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и которыхъ онъ много видѣлъ и въ Турціи и въ Польшѣ. Онъ разсказалъ объ убитыхъ дѣтяхъ, о смерти голодомъ и холодомъ плѣнныхъ, объ убійствѣ штыкомъ молодого мальчика-поляка, прижавшагося къ дереву.

И когда я спросилъ его не мучаютъ ли совѣсть его и эти поступки, онъ уже совѣсть не понималъ меня. Это на войнѣ, по закону, за Царя и отечество. Это дѣла, по его понятію, не только не дурныя, но такія, которыя онъ считаетъ доблестными, добродѣтельными, искупающими его грѣхи. То, что онъ раззорялъ, губилъ неповинныхъ ничѣмъ дѣтей и женщинъ, убивалъ пулей и штыкомъ людей, то, что самъ засѣкалъ себя въ строю на смерть людей и таскалъ ихъ въ госпиталь и опять назадъ на мученье, это все не мучаетъ его, это все какъ будто не его дѣла. Это все дѣлалъ какъ будто не онъ, а кто-то другой.

Есть у него кое-какіе свои грѣшки личные, когда онъ безъ того, что онъ называетъ закономъ, билъ и мучалъ людей, и эти мучаютъ его и для искупленія отъ нихъ онъ ужъ много разъ причащался и еще надѣется причаститься передъ самой смертью, расчитывая на то, что это загладитъ мучающіе его совѣсть грѣхи. Но онъ все-таки мучается и картины ужасовъ прошедшаго не покидаютъ его.

Что бы было съ этимъ старикомъ, если бы онъ понималъ то, что такъ должно бы быть ясно ему, стоящему на порогѣ смерти, что между всѣми дѣлами его жизни, тѣми, которыя онъ называетъ: по закону — и всѣми другими нѣтъ никакого различія, что всѣ дѣла его тѣ, которыя онъ могъ сдѣлать и не сдѣлать (а бить и не бить, убивать и не убивать людей всегда было въ его власти), что всѣ дѣла его — его дѣла, что какъ теперь, наканунѣ его смерти, нѣтъ и не можетъ быть никакого посред-

ника между нимъ и Богомъ, такъ и не было и не могло быть и въ ту минуту, когда его заставляли мучать и убивать людей. Что бъ съ нимъ было, если бы онъ понялъ теперь, что не долженъ былъ бить и убивать людей и что закона о томъ, чтобы бить и убивать братьевъ никогда не было и не могло быть. Если бы онъ понялъ, что есть только одинъ вѣчный законъ, который онъ всегда зналъ и не могъ не знать — законъ, требующій любви и жалости къ людямъ, а что то, что онъ называетъ теперь закономъ былъ дерзкій, безбожный обманъ, которому онъ не долженъ былъ поддаваться. Страшно подумать о томъ, что представлялось бы ему въ его бессонныя ночи на печкѣ и каково было бы его отчаянье, если бы онъ понялъ это. Мученія его были бы ужасны.

Такъ зачѣмъ же и мучать его? Зачѣмъ мучать совѣсть умирающаго старика? Лучше успокоить ее. Зачѣмъ раздражать народъ, вспоминать то, что уже прошло?

Прошло? Что прошло? Развѣ можетъ пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и лѣчить, но то, что боимся назвать и по имени. Развѣ можетъ пройти жестокая болѣзнь только отъ того, что мы говоримъ, что прошло. Оно и не проходитъ и не пройдетъ никогда и не можетъ пройти, пока мы не признаемъ себя больными. Для того, чтобы излѣчить болѣзнь, надо прежде признать ее. А этого-то мы и не дѣлаемъ. Не только не дѣлаемъ, но всѣ усилія наши употребляемъ на то, чтобы не видать, не называть ее. Болѣзнь и не проходитъ, а только видоизмѣняется, вѣдается глубже въ плоть, въ кровь, въ кости, въ мозгъ костей.

Болѣзнь въ томъ, что люди, рожденные добрыми, кроткими, люди, съ вложенной въ ихъ сердце любовью, жалостью къ людямъ, совершаютъ — люди надъ людьми — ужасающія жестокости, сами не зная зачѣмъ и для чего. Наши русскіе люди кроткіе, добрые, всѣ проникнутые духомъ ученія Христа, люди кающіеся въ душѣ о томъ, что словомъ оскорбляли людей, что не подѣлились послѣднимъ съ нищимъ и не пожалѣли заключенныхъ, эти люди проводятъ лучшую пору жизни въ убійствѣхъ и мучительствѣхъ своихъ братій и не только не каются въ этихъ дѣлахъ, но считаютъ эти дѣла или доблестью или, по крайней мѣрѣ, необходимою, такую же неизбѣжною, какъ пища или дыханіе. Развѣ это не ужасная болѣзнь? И развѣ не лежитъ на обязанности каждаго дѣлать все, что онъ можетъ для исцѣленія ея, и первое, главное, указать на нее, признать ее, назвать ее ея именемъ.

Солдатъ старый провелъ всю свою жизнь въ мучительствѣхъ и убійствѣхъ другихъ людей. Мы говоримъ: зачѣмъ поминать? Солдатъ не считаетъ себя виноватымъ, и тѣ страшныя дѣла: палки, сквозь строй и другія — прошли уже; зачѣмъ поминать старое? Теперь ужъ этого нѣтъ больше. Былъ Николай Палкинъ. Зачѣмъ это вспоминать? Только старый солдатъ передъ смертью помянулъ. Зачѣмъ раздражать народъ? Такъ же говорили при

Николаѣ про Александра. Тоже говорили при Александрѣ про Павловскія дѣла. Такъ же говорили при Павлѣ про Екатерину. Такъ же при Екатеринѣ про Петра и т. д. Зачѣмъ поминать? Какъ зачѣмъ поминать? Если у меня была лихая болѣзнь или опасная и я излѣчился или избавился отъ нея, я всегда съ радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болѣю и все такъ же болѣю, еще хуже, и мнѣ хочется обмануть себя. И мы не поминаемъ только отъ того, что мы знаемъ, что мы больны все такъ же, и намъ хочется обмануть себя.

Зачѣмъ огорчать старика и раздражать народъ? Палки и сквозь строй — все это ужъ прошло.

Прошло? Измѣнило форму, но не прошло. Во всякое прошедшее время было то, что люди послѣдующаго времени вспоминаютъ не только съ ужасомъ, но съ недоумѣніемъ: правежи, сжиганія за ереси, пытки, военныя поселенія, палки и гонянія сквозь строй. Мы вспоминаемъ все это и не только ужасаемся передъ жестокостью людей, но не можемъ себѣ представить душевнаго состоянія тѣхъ людей, которые это дѣлали. Что было вь душѣ того человѣка, который вставалъ съ постели, умывшись, одѣвшись въ боярскую одежду, помолившись Богу, шелъ въ застѣнокъ выворачивать суставы и бить кнутомъ стариковъ, женщинъ и проводилъ за этимъ занятіемъ, какъ теперешніе чпновники въ сенатѣ, свои обычные пять часовъ и ворочался въ семью и спокойно садился за обѣдъ, а потомъ читалъ священное писаніе? Что было вь душѣ тѣхъ полковыхъ и ротныхъ командировъ: я зналъ одного такого, который наканунѣ съ красавицей дочерью танцевалъ мазурку на балѣ и уѣзжалъ раньше, чтобы на завтра рано утромъ распорядиться прогоняніемъ на смерть сквозь строй бѣжавшаго солдата татарина, засѣкалъ этого солдата до смерти и возвращался обѣдать въ семью. Вѣдь все это было и при Петрѣ, и при Екатеринѣ, и при Александрѣ, и при Николаѣ. Не было времени, въ которое бы не было тѣхъ страшныхъ дѣлъ, которыя мы, читая ихъ, не можемъ понять. Не можемъ понять того, какъ могли люди не видать тѣхъ ужасовъ, которые они дѣлали, не видать, если уже не звѣрства безчеловѣчности тѣхъ ужасовъ, то бессмысленность ихъ. Во всѣ времена это было. Неужели наше время такое особенное, счастливое, что въ наше время нѣтъ такихъ ужасовъ, нѣтъ такихъ поступковъ, которые будутъ казаться столь же непонятными нашимъ потомкамъ? Намъ ясна теперь не только жестокость, но бессмысленность сжиганія еретиковъ и пытокъ судейскихъ для узнанія истины. Ребенокъ видитъ бессмысленность этого; но люди того времени не видѣли этого. Умные, ученые люди утверждали, что пытки необходимое условіе жизни людей, что это тяжело, но безъ этого нельзя. Тоже съ палками, съ рабствомъ. И пришло время и намъ трудно представить себѣ то состояніе умовъ, при которомъ возможно было такое грубое заблужденіе.

Гдѣ наши пытки, наше рабство, наши палки? Намъ кажется, что ихъ нѣтъ, что это было прежде, но теперь прошло. Намъ кажется это отъ того, что мы не хотимъ понять стараго и старательно закрываемъ на него глаза.

Если мы прямо поглядимъ на прошедшее, намъ откроется и наше настоящее. Если мы только перестанемъ слѣпить себѣ глаза выдуманными государственными пользами и благами и посмотримъ на то, что одно важно: добро и зло жизни людей, намъ все станетъ ясно. Если мы назовемъ настоящими именами костры, пытки, плахи, клейма, рекрутскіе наборы, то мы найдемъ и настоящее имя для тюремъ, остроговъ, войскъ съ общою воинскою повинностью, прокуроровъ, жандармовъ.

Если мы не будемъ говорить: зачѣмъ поминать? и не будемъ заслонять дѣлъ людскихъ прошедшаго воображаемыми пользами для различныхъ фнкцій, мы поймемъ то, что дѣлалось прежде, поймемъ и то, что дѣлается теперь.

Если намъ ясно, что нелѣпо и жестоко рубить головы на плахѣ и узнавать истину отъ людей посредствомъ выворачиванія ихъ костей, то такъ же ясно станетъ и то, что такъ же, если не еще болѣе, нелѣпо и жестоко вѣшать людей или сажать въ одиночное заключеніе, равное или худшее смерти и узнавать истину черезъ наемныхъ адвокатовъ и прокуроровъ. Если намъ ясно станетъ, что нелѣпо и жестоко убивать заблудшаго человѣка, то такъ же ясно станетъ и то, что еще нелѣпѣе сажать такого человѣка въ острогъ, чтобъ совсѣмъ развратить его; если ясно станетъ, что нелѣпо и жестоко ловить мужиковъ въ солдаты и клеймить какъ скотину, то такъ же нелѣпо и жестоко забирать всякаго 21-лѣтняго человѣка въ солдаты. Если ясно станетъ, какъ нелѣпа и жестока опричнина, то еще яснѣе будетъ нелѣпость и жестокость гвардій и охраны.

Если мы только перестанемъ закрывать глаза на прошедшее и говорить: зачѣмъ поминать старое, намъ ясно станетъ, въ чемъ наши точно такіе же ужасы, только въ новыхъ формахъ. Мы говоримъ: все это прошло. Прошло, теперь ужъ нѣтъ пытокъ, блудницъ Екатеринъ съ ихъ самовластными любовниками, нѣтъ рабства, нѣтъ забиванья на смерть палками и др. Но вѣдь только такъ кажется.

Триста тысячъ человѣкъ въ острогахъ и арестантскихъ ротахъ сидятъ запертые въ тѣсныя, вонючіе помѣщенія и умираютъ медленной тѣлесной и нравственной смертью. Жены и дѣти ихъ брошены безъ пропитанія, а этихъ людей держатъ въ вертепѣ разврата — острогахъ и арестантскихъ ротахъ, и только смотрители, полновластные хозяева этихъ рабовъ, суть тѣ люди, которымъ на что-нибудь нужно это жестокое бессмысленное заключеніе. Десятки тысячъ людей съ вредными идеями въ ссылкахъ разносятъ эти идеи въ дальніе углы Россіи и сходятъ съ ума и вѣшаются. Тысячи сидятъ по крѣпостямъ и или убиваются тайно начальниками тюремъ или сводятся съ ума

одиночными заключеніями. Милліоны народа гибнуть физически и нравственно въ рабствѣ у фабрикантовъ. Сотни тысячъ людей каждую осень отбираются отъ семей, отъ молодыхъ женъ, приучаются къ убійству и систематически развращаются. Царь русскій не можетъ выѣхать никуда безъ того, чтобы вокругъ него не была цѣпь явная сотенъ тысячъ солдатъ, на 50 шаговъ другъ отъ друга разставленная по дорогѣ, и тайная цѣпь, слѣдящая за нимъ повсюду. Король собираетъ подати и строить башни, и на башнѣ дѣлаетъ прудъ, и въ пруду, выкрашенномъ синей краской, и съ машинами, представляющими бурю, катается на лодкѣ. А народъ мретъ на фабрикахъ: и въ Ирландіи, и во Франціи, и въ Бельгіи.

Не нужно имѣть особой пронизательности, чтобы видѣть, что в наше время все то же, и что наше время полно тѣми же ужасами, тѣми же пытками, которые для слѣдующихъ поколѣній будутъ такъ же удивительны по своей жестокости и нелѣпости.

Болѣзнь все та же, и болѣзнь не столько тѣхъ, которые пользуются этими ужасами, сколько тѣхъ, которые приводятъ ихъ въ исполненіе. Пускай бы Петры, Екатерины, Палкины, Баварскіе короли пользовались въ 100, въ 1000 разъ болѣе. Пускай [бы] устраивали башни, театры, балы, обирали бы народъ. Пускай Палкинъ засѣкалъ бы народъ, пускай теперешніе злодѣи вѣшали бы сотнями тайкомъ въ крѣпостяхъ, только бы они дѣлали это сами, только бы они не развращали народъ, не обманывали его, заставляя его участвовать въ этомъ, какъ стараго солдата.

Ужасная болѣзнь эта, болѣзнь обмана о томъ, что для человѣка можетъ быть какой-нибудь законъ выше закона любви и жалости къ ближнимъ и что потому онъ никогда не можетъ ни по чьему требованію дѣлать очевидное несомнѣнное зло своимъ братьямъ, убивая, засѣкая, вѣшая ихъ, сажая въ тюрьмы, забирая ихъ въ солдаты, отбирая отъ нихъ подати.

1880 лѣтъ [тому назадъ] на вопросъ фарисеевъ о томъ, позволительно давать подать Кесарю или нѣтъ, сказано: отдавайте Кесарево Кесарю, а Божье Богу.

Если бы была у людей въ наше время хоть слабая вѣра въ ученіе Христа, то они считали бы должнымъ Богу хоть то, чему не только словами училъ Богъ человѣка, сказавъ: «не убій»; сказавъ: «не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали»; сказавъ: «люби ближняго какъ самого себя», — но то, что Богъ неизгладимыми чертами написалъ въ сердцѣхъ каждаго человѣка: любовь къ ближнему, жалость къ нему, ужасъ передъ убійствомъ и мучительствомъ братьевъ.

Если бы люди вѣрили Богу, то они не могли бы не признавать этой первой обязанности къ Нему, исполнять то, что Онъ написалъ въ ихъ сердцѣхъ, т. е. жалѣть, любить, не убивать, не мучать своихъ братьевъ. И тогда слова: Кесарево Кесарю, а Божье Богу имѣли бы для нихъ значеніе.

Царю или кому еще все, что хочешь, но только не Божіе. Нужны Кесарю мои деньги — бери; мой домъ, мои труды — бери; Мою жену, моихъ дѣтей, мою жизнь — бери; все это не Божіе. Но нужно Кесарю, чтобъ я поднялъ и опустил пруть на спину ближняго; нужно ему, чтобы я держалъ человѣка пока его будутъ бить, чтобы я связалъ человѣка или съ угрозой убійства, съ оружіемъ въ рукѣ стоялъ надъ человѣкомъ, когда ему дѣлають зло, чтобы я заперъ дверь тюрьмы за человѣкомъ, чтобы я отнялъ у человѣка его корову, хлѣбъ, чтобы я написалъ бумагу, по которой запрутъ человѣка или отнимуть у него то, что ему дорого — всего этого я не могу, потому что тутъ требуются поступки мои, а они то и есть Божіе. Мои поступки это то, изъ чего слагается моя жизнь, жизнь, которуя я получилъ отъ Бога, я отдамъ Ему одному. И потому вѣрующій не можетъ отдать Кесарю то, что Божіе. Идти черезъ строй, идти въ тюрьму, на смерть, отдавать подати Кесарю — все это я могу, но бить въ строю, сажать въ тюрьму, водить на смерть, собирать подати — всего этого я не могу для Кесаря, потому что тутъ Кесарь требуетъ отъ меня Божіе.

Но мы дошли до того, что слова: «Богу Божіе» для насъ означаютъ то, что Богу отдавать копѣчныя свѣчи, молебны, слова — вообще все, что никому, тѣмъ болѣе Богу, не нужно, а все остальное, всю свою жизнь, всю святиню своей души, принадлежащую Богу, отдавать Кесарю!

[ВАРИАНТЫ К «НИКОЛАЮ ПАЛКИНУ».]

* № 1.

[Апрѣль 1886 г.]

Мы ночевали у 95 лѣтняго солдата. Онъ служилъ при Александрѣ I и Николаѣ.

— Что умереть хочешь?

— Умереть! Еще какъ хочу. Прежде боялся, а теперь объ одномъ прошу Бога, только бы причаститься — покаяться — а то грѣховъ много.

— Какіе же грѣхи?

— Какъ какіе? Тогда служба была не такая. Александра хвалили солдаты — милостивъ былъ. А мнѣ довелось служить при Николаѣ Палкинѣ.¹ Такъ его солдаты прозвали. Тогда что было, заговорилъ онъ, оживляясь. Тогда на 50 палокъ и партокъ не снимали, а 150, 200, 300. На смерть запарывали. Дѣло подначальное. Тебѣ всыпать 150 палокъ за солдата (отставной солдатъ былъ унтеръ-офицеръ и теперь кандидатъ) а ты ему 200. У тебя не заживетъ отъ того, а его мучаешь. Вотъ и грѣхъ. Тогда что было. До смерти унтеръ-офицера убивали. Прикладомъ али кулакомъ. Онъ и умереть, а начальство говорить «властью Божьей помре».

Онъ началъ рассказывать про сквозь строй. Извѣстное ужасное дѣло. Ведутъ, сзади штыки, и всѣ бьютъ, а сзади солдатъ ходятъ офицеры и ихъ бьютъ: «бей больнѣй». Подушка кровяная на всю спину, и въ страшныхъ мученіяхъ смерть. Всѣ палачи, и никто не виноватъ. Кандидатъ² такъ и сказалъ, что не считаетъ себя виноватымъ. — «Это по суду».

И сталъ я вспоминать все, что знаю изъ исторіи о жестокостяхъ челоуѣка въ Русской исторіи, о жестокости этаго христіанскаго кроткаго, добраго, Русскаго челоуѣка, къ счастью или несчастью, я знаю много. Всегда въ исторіи и въ дѣйстви-

¹ В первой копии поправка рукой Толстого: Николай Палкинъ,

² В копии неверно прочитано: каждый; Толстой там же написал: Каждый палачъ. Онъ,

тельности, какъ кролик[а] къ боа,¹ меня притягивало къ этимъ жестокостямъ: я читалъ, слышалъ, или видѣлъ ихъ и замиралъ, вдумываясь, вслушиваясь, вглядываясь въ нихъ. Чего мнѣ нужно было отъ нихъ, я не знаю, но мнѣ неизбѣжно нужно было знать, слышать, видѣть это.

Іоаннъ Грозный топить, жжеть, казнить какъ звѣрь. Это страшно; но отчего то дѣла Іоанна Грознаго для меня что-то далекое, въ родѣ басни. Я не могъ видѣть всего этого. То же и съ временами междуцарствія Михаила, Алексѣя, но съ Петра такъ называемаго великаго начиналось для меня что-то новое живое. Я чувствовалъ, читая ужасы этаго бѣснующагося, пьянаго, распутаго звѣря, что это касается меня, что всѣ его дѣла къ чему-то обязываютъ меня.

Сначала это было чувство злобы, потомъ презрѣнія, желанія унижить его, но все это было не то. Чего то отъ меня требовало то чувство, какъ оно требуетъ чего-то, когда при васъ оскорбляютъ и мучаютъ роднаго да и не роднаго, а просто человѣка. Но я не могъ найти и понять того, чего отъ меня требовало и почему меня тянуло къ этому. Еще сильнѣе было во мнѣ это чувство негодованія и омерзенія при чтеніи ужасовъ его² бляди, ставшей царицей, еще сильнѣе при чтеніи ужасовъ Анны Ивановны, Елисаветы и сильнѣе и отвратительнѣе всего при описаніи жизни нѣмки³ блудницы⁴ и всей подлости, окружавшихъ ее — подлости, до сихъ поръ остающейся въ ихъ потомкахъ. Потомъ Павелъ (онъ почему то не возбуждалъ во мнѣ негодованія). Потомъ отцеубійца⁵ и Аракчеевчина, и палки, палки, забиваніе живыхъ людей живыми⁶ людьми христіанами, обманутыми своими жожаками. И потомъ Николай Палкинъ, котораго я засталъ вмѣстѣ съ его ужасными дѣлами.

Только очень недавно я понялъ, наконецъ, что мнѣ было нужно въ этихъ ужасахъ, почему они притягивали меня. Почему я чувствовалъ себя отвѣтственнымъ въ нихъ, и что мнѣ нужно сдѣлать по отношенію ихъ. Мнѣ нужно сорвать съ глазъ людей завѣсу, которая скрываетъ отъ нихъ ихъ человѣческія обязанности и призываетъ ихъ къ служенію дьяволу, не захотятъ они видѣть,⁷ пересилить меня дьяволъ,⁸ они, большинство изъ нихъ, будутъ продолжать служить дьяволу и губить свои души и души братьевъ своихъ, но хоть кто-нибудь увидитъ: сѣмя будетъ брошено. И оно вырастетъ, потому что оно сѣмя Божье.

¹ Это слово в копии было не прочитано. Толстой исправил вместе с предшествующим: какъ мошку къ огню.

² В копии не прочитано, Толстой вставил: Петровой,

³ В копии не прочитано, Толстой вставил: отвратительной,

⁴ В копии Толстой вставил: Екатерины,

⁵ В копии Толстой вставил: Александръ,

⁶ В копии ошибочно: жившими, Толстой исправил: живыми,

⁷ В копии Толстой добавил: или,

⁸ В копии Толстой добавил: и,

Дѣло идетъ вотъ какъ: заблудшіе ¹ люди ² — слуги дьявола, т. е. зла и обмана, для достиженія своихъ маленькихъ, ничтожныхъ цѣлей — въ родѣ пожара Рима Нерона, — дѣлаютъ ужасы жестокости надъ своими братьями. Люди заблудшіе жестоки всегда были, но люди, про жестокость которыхъ я говорю, сдѣлали свою жестокость наслѣдственною. ³

То, что дѣлалъ одинъ, другой отъ того не отрекается. Время — т. е. общее сознание людей, идетъ впередъ, и оказывается что то, что дѣлалъ Петръ, не можетъ дѣлать Екатерина, то, что дѣлалъ Павелъ, не можетъ дѣлать Александръ. То, что дѣлалъ Александръ, ⁴ не можетъ дѣлать Палкинъ. То, что дѣлалъ Палкинъ, не можетъ дѣлать его сынъ. Но если онъ не можетъ дѣлать то же, онъ можетъ дѣлать другое. И онъ дѣлаетъ это другое. И они помощники его говорятъ: «Зачѣмъ поминать старое, что прошло, зачѣмъ озлоблять народъ». И всѣ слушаютъ и говорятъ: да, зачѣмъ вспоминать старое и озлоблять народъ. И старое забывается — не только забывается, но стирается изъ памяти людей — Палкину, Палкинымъ памятники, — а новое так[ое] же какъ старое начинаетъ дѣлаться и дѣлается пока возможно въ той же формѣ. Когда становится невозможнымъ перемѣнять форму, но остается тѣмъ же.

Зло въ томъ, что люди полагаютъ, что можетъ быть необходимо дѣлать зло людямъ, что можетъ не быть грѣхъ въ томъ, чтобы дѣлать зло другимъ людямъ, въ томъ, что отъ зла людямъ можетъ произойти добро людямъ.

Былъ Николай Палкинъ. Зачѣмъ это поминать? (Только старый солдатъ передъ смертью помянулъ). Зачѣмъ раздражать народъ?

Такъ же говорили ⁵ про Палкина, про Александра, Аракчеевщину. Зачѣмъ поминать?.. такъ же про Павла? Такъ же про Екатерину и закрѣпощеніе Малороссіи, ⁶ и убійство мужа, и Иоанна, и всѣ ея ужасы. Такъ же про Бирона, Елисавету, Петра. И такъ же теперь говорятъ о крѣпостномъ правѣ. О всѣхъ перевѣшанныхъ ⁷ (въ числѣ ихъ 15 и 16 лѣтніе мальчики). Такъ же будутъ говорить и про теперешнее время, про убиваемыхъ въ одиночныхъ заключеніяхъ и въ крѣпостяхъ тысячахъ и такъ же про мрущій голодной смертью народъ. Зачѣмъ поминать.

¹ В копии ошибочно: Заблужденіе, Толстой исправил на: заблудшіе,

² В копии ошибочно: людей, Толстой исправил на: люди,

³ В копии слова: Люди заблудшіе жестоки... кончая наслѣдственною Толстой зачеркнул и вписал: Люди эти умираютъ, но на ихъ мѣсто являются новые, дѣлающіе новыя жестокости. (Люди эти).

⁴ В копии ошибочно: Алексѣй, Толстой исправляет синим карандашом на: Александръ,

⁵ В копии Толстым исправлено на: говорим,

⁶ В копии не прочитано, Толстой вписал: Малороссіи,

⁷ В копии о всѣхъ перевѣшанныхъ не разобрано, Толстой вписал: о повѣшеніи.

Какъ зачѣмъ поминать? Если у меня была лихая или опасная болѣзнь и я излѣчился или избавился отъ нея, я всегда съ радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болѣю и все также, еще хуже, и мнѣ хочется обмануть себя. А мы больны и всѣ также больны. Болѣзнь измѣнила форму, но болѣзнь все та же только ее иначе зовутъ. *Le roi est mort, vive le roi.* ¹ Болѣзнь, которой мы больны, есть убійство людей — но убійство еще ничего, пускай бы Палкины мучили [*1 неразобр.*], убивали ² въ 10 разъ больше людей, только бы они дѣлали это сами, а не развращали людей, заставляя ихъ убивать и мучать людей, давая имъ за это награды и увѣряя ихъ съ молодости и до старости, отъ школы до церкви, что въ этомъ святая обязанность человѣка. Мы знаемъ про пытки, ³ знаемъ про весь ужасъ и бессмысленность ихъ и знаемъ что люди, которые пытали людей, были умные, ученые по тому времени люди. И такіе то люди не могли видѣть той бессмыслицы, понятной теперь малому ребенку, что дыбой можно затемнить, но нельзя узнать правду. И такія дѣла, какъ пытки, всегда были между людьми — рабство, инквизиціи и др. Такія дѣла не переводятся. Какія же тѣ дѣла нашего времени, которыхъ бессмысленность и жестокость будетъ также видна нашимъ потомкамъ, какъ намъ пытки? Они есть, надо только подумать про нихъ, поискать и не говорить, что не будемъ поминать про старое. Если мы вспомнимъ старое и прямо взглянемъ ему въ лицо, тогда и новое, наше теперешнее насиліе откроется. Строится потому, что оно все и всегда одно и то же, — мучительство и убійство людей для пользы людей. — Если мы только назовемъ настоящимъ именемъ костры, клейма, пытки, плахи ⁴ служилыхъ людей стрѣльцовъ, рекрутскіе наборы, то мы найдемъ и настоящее имя для тюремъ, остроговъ, войскъ съ общимъ [*1 неразобр.*], прокуроровъ; жандармовъ. —

Если намъ ясно, что нелѣпо и жестоко рубить головы на плахѣ по суду съ пытками, то также ясно, что едва ли не болѣе нелѣпо и жестоко вѣшать людей или сажать въ одиночное заключеніе, равносильное худшей смерти по суду прокуроровъ, сословныхъ представителей. Если нелѣпо и жестоко было казнить, то еще нелѣпѣе сажать въ острогъ, чтобъ развращать, если нелѣпо и жестоко ловить мужиковъ въ солдаты и клеймить въ руки, то тоже съ общей воинской повинностью. Если нелѣпа и жестока опричнина, то то [же] съ гвардіей и войскомъ.

¹ [Король умер, да здравствует король.]

² В копии ошибочно списано мучилъ и убившій, Толстой исправил мучилъ и убивалъ,

³ В копии было ошибочно: Мы знали про плети, Толстой исправил на: Мы знаемъ про пытки, знаемъ,

⁴ Зачеркнуто: топоръ;

1880 лѣтъ на вопросъ Фарисеевъ, давать ли подать сказано: «Кесарю Кесарево,¹ а Богу Божіе».² Если бы была какая-нибудь вѣра у людей, то они хоть что-нибудь считали должнымъ Богу и прежде всего то, чему училъ Богъ — человекъ не убивать. Тогда бы обманъ пересталъ быть возможнымъ. Царю или кому еще все, что хочешь, сказалъ бы вѣрующій человекъ, но не то, что противно волѣ Бога, а мучительство и убійство противно волѣ Бога.

Опомнитесь люди! Вѣдь можно было отговариваться незнаемъ и попадаться въ обманъ, пока неизвѣстна была воля Бога, пока непонятенъ былъ обманъ, но какъ только она выражена ясно, нельзя ужъ отговариваться. Послѣ этого ваши поступки уже получаютъ другое страшное значеніе. Нельзя человекъ, не хотящему быть животнымъ носить мундиръ, орудія убійства; нельзя ходить въ судъ, нельзя набирать солдатъ, устраивать тюрьмы, суды.

Опомнитесь люди!

* № 2.³

Бѣснующійся звѣрь Петръ заставляетъ однихъ людей убивать и мучить другихъ людей сотнями, тысячами, самъ забавляется казнями, рубить головы пьяной неумѣлой рукой, не сразу отхватывая шею, закапываетъ въ землю любовницъ, обставляетъ всю столицу висѣлицами съ трупами, ѣздитъ пьянствовать по боярамъ и кушамъ въ видѣ патріарха и протодьякона съ ящикомъ бутылокъ въ видѣ Евангелія, съ крестами изъ трубокъ въ видѣ дѣтородныхъ членовъ, заставляя однихъ людей убивать на работѣ и войнѣ миліоны людей, заставляя однихъ людей казнить, жечь, выворачивать суставы у (всѣхъ вѣрующихъ въ Бога) другихъ людей, клеймить какъ табуны скота, убиваетъ сына и возводитъ на престолъ блядь своего наложника и свою. И ему ставятъ памятники и называютъ благодѣтелемъ Россіи и великимъ человекомъ и всѣ дѣла его; не только оправдывается все то, что дѣлали люди по его волѣ, считаются законными, необходимыми и не ложатся на совѣсть людей, которые ихъ дѣлали. И про жестокости его говорятъ: зачѣмъ поминать, это прошло.

Послѣ него продолжается то же убиваніе живыхъ людей живыми людьми христіанами, обманутыми своими вожакими. Одинъ за другимъ безъ всякихъ правъ и даже оправданія схватываетъ власть то Екатерина, то Лизавета, то Анна. Жестокости, которые заставляютъ людей дѣлать надъ другими, ужасны. И опять люди, совершающіе эти жестокости, считаютъ себя правыми. Мужеубійца апокалипсическая блудница захва-

¹ В копии. Кесареви.

² В копии Богови.

³ Вариант характеристики царей, внесенный во вторую редакцию вместо стр. 564 строки 14 — 33 первой редакции (рукопись 4 б). Позже этот кусок вычеркнут и заменен текстом на стр. 558 строки 32—46.

тываетъ власть — тѣ же ужасы заставляють дѣлаться ея любовниками, потомъ безумный Павелъ, потомъ отцеубійца Александръ и Аракчеевщина, потомъ убійца брата Палкинъ, котораго я засталъ вмѣстѣ съ его ужасными дѣлами. И потомъ Александръ II съ его висѣлицами и крѣпостями и Плевной, и потомъ теперешніе сотни тысячъ каторжниковъ и острожниковъ, и голодный народъ, и убиваніе людей тайно въ крѣпостяхъ и явно въ одиночныхъ заключеніяхъ и острогахъ, гдѣ люди убивали и мучали другъ друга.

Формы злодѣйствъ измѣняются, но сущность, ужасная сущность дѣла, то, что кроткіе христіане русскіе люди мучають и убивають другихъ и считаютъ себя въ этомъ неповинными, остается то же.

* № 3. ¹

Зачѣмъ поминать старое? говоримъ мы. Но если ужъ не поминать, то и не поминали бы. Но это говорятъ только для того, чтобы, не помяная ужасы стараго, продолжать ужасы настоящаго въ другихъ формахъ. Они говорятъ не поминать, но не поминають только злодѣйствъ, а съ тѣмъ большимъ усердіемъ поминають выдуманные ими прелести стараго времени и выдуманные доблести тѣхъ людей, которые производили эти ужасы только за тѣмъ, чтобы, закрасивъ ужасы прошедшаго, закрасить ужасы и настоящаго и убѣдить людей въ ихъ необходимости.

И несчастныя молодыя поколѣнія вырастають подъ ложнымъ представленіемъ о томъ, что про всѣ прежніе ужасы поминать нечего, что они всѣ выкуплены тѣми выдуманными благами, которыя принесли ихъ совершители, и дѣлають заключеніе о томъ, что то же будетъ и съ теперешними злодѣйствами, что все это какъ то выкупится, какъ выкупилось прежде.

Съ Петра I начинаются особенно поразительныя и особенно блзкіе и понятныя намъ ужасы русской исторіи.

Бѣснующійся, пьяный, сгнившій отъ сифилиса звѣрь ^{1/4} столѣтія губить людей, казнить, жгетъ, закапываетъ живыхъ въ землю, заточаетъ жену, распутничаетъ, мужеложствуетъ, пьянствуетъ, самъ забавляясь рубить головы, кощунствуетъ, ѣздитъ съ подобіемъ креста изъ чубуковъ въ видѣ дѣтородныхъ членовъ и подобіями Евангелій — ящикомъ съ водкой славить Христа, т. е. ругаться надъ вѣрою, коронуетъ блядь свою и своего любовника, раззоряетъ Россію и казнить сына и умираетъ отъ сифилиса, и не только не поминають его злодѣйствъ, но до сихъ поръ не перестаютъ восхваленія доблестей этаго чудовища, и нѣтъ конца всякаго рода памятниковъ ему. Послѣ него начинается рядъ ужасовъ и безобразій подобныхъ его царствованію, одна блудница за другой безчинствуютъ на престолѣ мучаетъ и губить народъ и заставляеть однихъ мучать другихъ

¹ Второй вариант того же листа, в дальнейшей работе над текстом «Николая Палкина» не использованный. (По рукописи № 6.)

и воцаряется безъ всякихъ правъ на престолъ, мужеубійца, ужасающая своимъ развратомъ блудница, дающая полный просторъ звѣрства своимъ перемѣняющимся любовникамъ, и всѣ ужасы — казни, убійство мужа, мученія и убійство законнаго наслѣдника, закрѣпощеніе половины Россіи, войны, развращеніе и раззореніе народа, все забывается и до сихъ поръ восхваляется какое то величіе мудрость, чуть не нравственная высота этой мерзкой бляди. Мало того, что восхваляютъ ее, возхваляютъ ея звѣрей любовниковъ. То же съ отцеубійцей Александромъ. То же съ Палкинымъ. Все забыто. И выдуманы несуществующія доблести и заслуги для отечества.

* № 4. ¹

Законъ четко, ясно неизмѣнно начертанъ въ сердцѣ чело-вѣка. Всякій знаетъ, что ему дѣлать, всякій знаетъ, что хорошо и что дурно. ² Говорятъ много разныхъ вѣръ, для каждаго народа свой законъ. Это неправда. Всегда есть и будетъ только одна вѣра. — Вѣра эта самъ чело-вѣкъ съ его сердцемъ и разумомъ, и не вѣрить въ самаго себя нельзя. И во всѣхъ вѣрахъ, какія ни есть въ свѣтѣ есть одинъ законъ ³ для всякаго чело-вѣка. И искать этотъ законъ ⁴ не надо ни за моремъ ни на небѣ, какъ говорить Моисей [?], а въ сердцѣ людей. ⁵

Чело-вѣкъ вездѣ и всегда такой же — такая же у него голова, сердце, руки, ноги и всѣ члены: тѣ же у него страсти, тѣ же страхи, тѣ же радости, также онъ рождается, такъ же растеть, такъ же страдаетъ старѣется и умираетъ, или, не дождавшись старости, умираетъ во всякій часъ своей жизни, и такъ же не можетъ жить одинъ, а живетъ благодаря людямъ, жившимъ прежде него и живущимъ съ нимъ вмѣстѣ, та же у всѣхъ людей одинаковая способность понимать и думать.

Мы говоримъ, что надо дѣлать, что всѣ дѣлаютъ, что велятъ дѣлать, потому что каждый чело-вѣкъ не знаетъ, что ему дѣлать, не можетъ знать, что хорошо, что дурно, говоримъ, что никто самъ не знаетъ и не можетъ знать этаго. <Мы говоримъ, что и вѣръ много разныхъ и нельзя знать, какая вѣра истинная, какая ложная. Люди, говоримъ мы, бродятъ, какъ слѣпые, живутъ, бродятъ и умираютъ злы и глупы, какъ слѣпые, сами не знаютъ зачѣмъ. Такъ ли это?> Неужели это правда?

Богъ, если есть Богъ, сотворилъ людей такъ, что они <мучаются, ищутъ истину и> не могутъ знать того, какъ имъ надо

¹ Вариант окончания «Николая Палкина», не использованный в работе (по рукописи № 7).

² Зачеркнуто: и всякій знаетъ, что сколько бы ни было людей разныхъ вѣръ, у чело-вѣка

³ Зач.: вѣриѣ одна только эта вѣра. Вотъ это одна вѣра

⁴ Зач.: ее, эту вѣру,

⁵ Зач.: а написана въ сердцахъ и головахъ людей. <Всякій чело-вѣкъ знаетъ, что онъ нынче живъ, завтра умеръ, значить чело-вѣкъ, что бы онъ не дѣлалъ, онъ не спасается отъ страданій и смерти, знаетъ, что Разумъ>

жить. Или, если нѣтъ Бога, ⟨люди сами собой живутъ,⟩ то все въ мѣрѣ и травы, деревья, животныя — все живетъ стройно по закону, знаетъ какъ жить, — одинъ человѣкъ — то существо, которое умнѣ всѣхъ, брошено одно безъ кормила, одно живетъ безъ закона. Собака знаетъ какъ жить. Береза знаетъ какъ жить, а человѣкъ не знаетъ. Не можетъ этаго быть. Не можетъ быть да и нѣтъ и никогда не было. ¹ Всею есть законъ, законъ жизни человѣка. И знаетъ этотъ законъ, человѣкъ знаетъ также твердо, какъ знаетъ свой законъ дерево и животное. ² Не признаетъ закона только тотъ человѣкъ, который или самъ отступилъ отъ него, или отъ котораго обманомъ скрыли или скрываютъ этотъ законъ. Но и тотъ и другой знаютъ его. И не видитъ человѣкъ своего закона только до тѣхъ поръ, пока ³ онъ закрываетъ самъ глаза или пока другіе закрываютъ ему глаза, чтобы онъ не видалъ его. И тому человѣку открыть глаза, и вотъ онъ — законъ всегда передъ нимъ. Законъ написанъ въ сердцѣ ⁴ его.

Вѣдь что ужасно подумать? Это то, что уничтожено въ людяхъ чувство святости. Для этихъ самыхъ людей, которые отдають все на поруганіе, отдають все, что есть въ нихъ святаго — Кесарю, въ этихъ самыхъ людяхъ есть чувство святости — есть то, что они считаютъ святымъ и не отдадутъ никому. Но ⟨горе въ томъ, что они⟩ несчастныя, такъ обмануты, что истинная святость отнята отъ нихъ и подмѣнена ложною. Тѣ самые люди, которые, безъ малѣйшаго колебанія и признанія нарушенія святости своей души пойдутъ въ солдаты, на войну, въ судъ, будутъ собирать подати, эти люди, не считающіе все это нарушеніемъ своей святости, хранятъ другую ложную святость, подставленную ими вмѣсто настоящей, и будутъ блюсти ее подъ страхомъ страшныхъ наказаній, страданій, смерти даже, не нарушать эту ложную, выдуманную, вѣдренную въ нихъ искусственную святость. Всякій простой недумавшій ⁵ и вѣрующій вѣковыми обманамъ русскій человѣкъ, пойдетъ въ судъ, въ солдаты, будетъ участвовать въ сборѣ податей, не считая въ этомъ убійствѣ братьевъ ничего дурнаго и ни за что подъ страхомъ страданій [1 *неразобр.*] и смерти не выброситъ въ помойную яму икону, причастія. —

Что если бы онъ понималъ, что святость и что обманъ?

Вѣдь это ужасно.

Опомнитесь люди.

¹ Зачеркнуто: А есть то, что.

² Далее *зач.*: только другой суда не находить. Этотъ законъ тотъ, кто отступилъ отъ него, какъ не находить себѣ дѣла и мѣста и закона отбившаяся отъ улья пчела

³ *Зач.*: не помучился и не пострадалъ отъ потери закона, пока не ввязался искать его

⁴ *Зач.*: человѣка. Тотъ, кому онъ нуженъ, найдетъ его

⁵ *Зач.*: русскій].

НИКОЛАЙ ПАЛКИН.

4 апреля 1886 г. Толстой вместе с Н. Н. Ге-младшим и М. А. Стаховичем вышел пешком из Москвы в Ясную поляну. «Иду, главное, за тем, чтобы отдохнуть от роскошной жизни и хоть немного принять участие в настоящей», писал он накануне В. Г. Черткову. Путешествие длилось несколько дней, а придя в Ясную, Толстой в апрельском письме в Москву к С. А. Толстой пишет: «Осталось, как я и ожидал, одно из лучших воспоминаний в жизни... Благодарю М-ше Сейгон за книжечку и карандаш. Я воспользовался ими по случаю рассказов старого, 95-летнего солдата, у которого мы ночевали. Мне пришли разные мысли, которые я записал» (ПЖ, № 283).¹ В. И. Срезневский (Л. Н. Толстой, I, «Николай Палкин. II. Что можно и чего нельзя делать христианину». Пгр. 1917) полагает, что эта первая черновая запись в Записной книжке была сделана 9—11 апреля. Предположение вероятное, потому что в первых письмах Толстого к С. А. Толстой с дороги (6 и 8 апреля) о встрече со стариком ничего не говорится.

Первый черновик «Николая Палкина» сделан Толстым в Записной книжке 80-х годов черным карандашом. Он был издан очень неисправно П. И. Бирюковым (Б, III, стр. 47) и издается по рукописи буквально точно в настоящем издании на стр. 563—567. Это и есть *первая редакция* статьи. Первая редакция известна еще в двух копиях. Одна была сделана В. Г. Чертковым (рукопись № 2), но не вполне удачно, так как он не разобрал ряда слов, оставив пустые места, другие слова прочел неверно, пометил к вычеркиванию большой кусок текста. Толстой просмотрел эту копию, кое-где поправил, вставил вместо непрочитанных слов новые (их мы ввели в подстрочные примечания к изданной первой редакции), но не везде и, очевидно, недовольный копией, передал черновик для новой переделки. Так появилась другая копия с автографа (рукопись № 3) более исправная, но с пропуском небольшого куска текста. Эта вторая копия и была дальше перерабатываема автором. Дата первой редакции дана самой рукописью — автографом «апрель 1886 г.», хотя сделана рукой С. А. Толстой.

Датировка дальнейшей работы Толстого над «Николаем Палкиным»

¹ М-ше Сейгон—губернятка в доме Толстых в это время, подарившая Льву Николаевичу записную книжку.

крайне затруднительна. В. И. Срезневский на том основании, что части текста последней редакции писаны рукой С. А. Толстой, полагает написание ее возможным отнести «или ко второй половине апреля, когда Лев Николаевич был в Москве, где тогда же была и Софья Андреевна, или ко времени после 10 мая, когда Софья Андреевна с семьей приехала в Ясную, где уже жил с начала мая Лев Николаевич». Между тем другие свидетельства не подтверждают этой датировки.

Копия В. Г. Черткова, по его дневнику, была сделана 16 мая 1886 года. Далее 29 июня 1886 г. Толстой пишет В. Г. Черткову: «...а утром занимался — преимущественно статьей о государственной власти, которую я начал с рассказа солдата, но потом пришел понос и я целые дни был в поле...» (ТЭ 1913, II, стр. 39). Предположение В. И. Срезневского, что эта запись относится к «Что можно и чего нельзя делать христианину» — спорно. Дальше — письма В. Г. Черткова к Толстому дают ряд интересных указаний для датировки. Так в письме из Англии, точно не датированном, но относимом ко второй половине июня 1886 г., Чертков пишет: «в статье, начинающейся вашей встречей с отставным солдатом, вы, говоря о прежних представителях насилия и вместе с тем разврата, относитесь к ним с крайним негодованием, даже с презрением, отвращением, и в таком духе употребляете слова, подобные «блядь» и т. п. Не в слове дело, а в духе...» и далее Чертков возражает против подобной резкости Толстого. Еще дальше Чертков в письме к Толстому по пути из-за границы в Россию в поезде 8 и 10 августа 1886 г. пишет: «ужасно сильно и поразительно убедительно то, что вы написали о «Николае Палкине» тогда ночью в записной книжке». И еще дальше в письме от 24 янв. 1887 г. из Петербурга он сообщает Толстому: «... Меня беспокоит то, что вы не получили еще посланных мною заказных посылок. Я послал вам три. Сначала те рукописи, о которых говорил в письме, и при них переписанные листки «о жизни и смерти». Потом послал Вам переписанную статью о Палкине. Потом — «Записки сумасшедшего». Если я причинил вам неудобство тем, что забрал с собой эти рукописи, то мне ужасно жаль и совестно, и я больше не буду... На рукописи «Палкина» я позволил себе сделать маленькое замечание, относящееся не до самой мысли, а до впечатления читателя... 26 января 1887 г. Чертков получает от Толстого известие, что рукописи получены. Приведенные свидетельства как будто говорят за то, что у Черткова еще в июне — августе 1886 г. были не переделки «Палкина», а текст Записной книжки и что еще в январе 1887 г. он посылает Толстому «переписанного» и «забранного «Палкина»», т. е. что продолжение работы над Палкинским может быть отодвинуто даже на 1887-й год. В этом году, как известно, текст «Николая Палкина» без ведома Толстого попал к студенту Московского Университета М. А. Новоселову, был им нелегально отгектографирован, вызвал арест Новоселова и вступничество Толстого. 2 февраля 1888 г. Толстой в Дневнике записывает: «... Новоселова выпустили....» Но, повидимому, самый шум, поднятый вокруг «Николая Палкина» охладил автора к статье, и у нас нет никаких данных предполагать, что она вполне закончена. Сам Толстой в письме к М. А. Новоселову замечает: «Палкин это заметки набросанные и не имеющие никакого значения, кроме раздражающего» («Новый путь» 1903, I, стр. 151). История этого нелегаль-

ного издания «Николая Палкина» рассказана у П. И. Бирюкова: «Меж два греха». («Толстой. Памятники творчества и жизни». 3. М. 1923, стр. 50—53) и в «Былом» 1918, № 9, стр. 213—215. См. также Н. Н. Апостолов. «Лев Толстой и русское самодержавие». ГИЗ. 1930, гл. V. Если принять во внимание воспоминания Бирюкова, что он нашел рукопись «Николая Палкина» у Толстого «на столе», т. е. в процессе работы (а это было в 1887 году), то наша датировка этапа, на котором работа над Палкиным остановилась, 1887 годом будет весьма вероятной. Больше того, может быть последний этап работы Толстого над «Палкиным» надо относить к началу 1888 г., потому что в письме к П. И. Бирюкову от 30—31 янв. 1888 года Толстой пишет: «Хотел в догонку вам писать, дорогой Павел Иванович, что ватя моя о печатании Палкина глупая, лучше оставить». (Письма, т. 64 настоящего издания.) Думается, что здесь Толстой отказывается именно от того предложения, с которым Бирюков приходил к Толстому — издать «Палкина» в подпольном издании или за границей. «Толстой сначала согласился, а потом раздумал», сообщает Бирюков.

Но если датировка работы Толстого над Палкиным затруднительна, то самый процесс работы по сохранившимся рукописям вполне ясен. Первая редакция статьи в копии рукописи № 3 сразу же подвергается столь значительной переработке автора, что превращается в особую *вторую* редакцию статьи. Особенности ее следующие: а) внесены крупные вставки: текст стр. 555 строка 14—17 св., стр. 555 строки 22—32 св., стр. 561 строки 39—48 св.; б) значительная часть первой редакции целиком переработана, именно: вместо стр. 563 строка 23 св. — стр. 565 строка 21 св. написан заново частью на полях, частью на вставном листе текст, соответствующий основному: со стр. 556 строка 5 по стр. 558 строка 45 св., причем Толстой сначала вписал, потом снял особую характеристику Петра (издаем ее среди вариантов под № 2 на стр. 567). Переработан также конец первой редакции, частью сокращен. в) Кроме того внесено несколько перестановок и стилистических поправок. Таким образом главная новость второй редакции — развернутое в виде картины описание экзекуции и размышление над ней вместо описания своих переживаний и своего отношения к жестокостям царей первой редакции.

Текст второй редакции перебеливается по частям. Первая часть его (копия № 4) подвергается очень небольшой почти только стилистической правке. Вторая часть ее (копия № 5), перебеленная рукой С. А. Толстой, подвергается более значительным изменениям. Здесь внесены две больших вставки: одна частью на поле листа, частью на особом листе: со стр. 559 строка 10 по стр. 560 строка 4, другая — со стр. 560 строка 38 по стр. 561 строка 26. Кроме того, повидимому, на этом же этапе работы Толстой написал на отдельных листах два особых варианта к отдельным местам текста в дальнейшей работе не использованные (рукописи №№ 6 и 7, публикуются нами среди вариантов под №№ 3 и 4 на стр. 568—569). Таким образом можно говорить об особой переделке второй редакции статьи.

Далее часть этой переделки копируется еще раз С. А. Толстой и неизвестной рукой (рукописи № 8 и 9) и окончательно просматривается автором. Получилась вторая частичная правка второй редакции статьи. Она

сводится к легкому стилистическому просмотру и небольшим сокращениям, сокращен самый конец.

Из полученных копий составляется сводная рукопись № 10, которая является последним видом текста статьи. Хотя статья «Николай Палкин» и издавалась при жизни Толстого неоднократно, но самим автором до печати не была доведена. Потому мы ее издаем среди *незакомченных* произведений по названной рукописи № 10, но так как составляющие эту рукопись копии с частей текста имели ряд случаев ошибочной передачи автографических написаний, мы исправляем эти ошибки. Их набралось в тексте довольно немало. Издание В. И. Срезневского, точно следовавшее за сводным текстом копии, содержит в себе все эти неисправленные ошибки. Исправления наши, внесенные в последнюю рукопись-копию, считаем нужным оговорить. Именно: все они представляли ошибки или измышления переписчика рукописи № 10:

Текст стр. 555—562

Сводная рукопись № 10.

<i>Заглавие</i> Николай Палкин	<i>нет.</i>
<i>Стр. 555 строка 12:</i> Александра того	Того Александра того
<i>Стр. 555 строка 16:</i> казался	назывался
<i>Стр. 555 строка 28:</i> Павлыч	Павлович
<i>Стр. 556 строка 7:</i> все тебе думается	все так думается
<i>Стр. 556 строка 38:</i> и шупает пульс	ощупывает пульс и
<i>Стр. 556 строка 41:</i> добавить	добить
<i>Стр. 556 строка 45:</i> все те мучения	все мучения
<i>Стр. 557 строка 14:</i> при этом воспоминании	при этих воспоминаниях
<i>Стр. 557 строка 15:</i> а потом как будто	а потом
<i>Стр. 557 строка 20:</i> он много	много
<i>Стр. 557 строка 42:</i> должно бы быть	должно бы было быть
<i>Стр. 558 строка 5:</i> Если бы	Если б
<i>Стр. 558 строка 24:</i> но все усилия	но и все усилия
<i>Стр. 558 строка 29:</i> с вложенной	с вложенными
<i>Стр. 559 строка 10:</i> Палки и сквовь строй.	Палкин и сквовь строй
<i>Стр. 559 строка 12:</i> но не прошло	а не прошло
<i>Стр. 559 строка 21:</i> женщин	и женщин
<i>Стр. 559 строка 26:</i> я знал	(я знал одного такого) которые

одного такого, который накануне с красавицей дочерью танцевал мазурку	накануне танцевал мазурку с красавицей дочерью.
<i>Стр. 559 строка 28:</i> прогонянием	прогонять
<i>Стр. 559 строка 47:</i> возможно было	возможно
<i>Стр. 560 строка 5:</i> Если мы прямо.	Зачем огорчать старика и раздражать народ. Палки и сквозь строй все это уже прошло. Если мы прямо... <i>(Эта вставка есть ошибочное повторение другим переписчиком фраз, ранее переписанных С. А. Толстой, см. стр. 559 строки 10—11).</i>
<i>Стр. 560 строка 28:</i> 21-летнего	21-го-летнего
<i>Стр. 560 строка 39:</i> в тесные, вонючие помещения	в тесных, вонючих помещениях
<i>Стр. 560 строка 41:</i> в вертепе	в вертепах
<i>Стр. 561 строка 1:</i> Миллионы народа	Миллионы народов
<i>Стр. 561 строка 3:</i> от семей	от семьи
<i>Стр. 561 строка 5:</i> чтобы	чтоб
<i>Стр. 561 строка 7:</i> расставленная	расставленных
<i>Стр. 561 строка 11:</i> и в Ирландии, и во Франции, и в Бельгии	и во Франции, и в Ирландии, и в Бельгии
<i>Стр. 561 строка 13:</i> особой	особенной
<i>Стр. 561 строка 33:</i> 1880 лет [тому назад]	1880 лет тому назад <i>(слова тому назад вставлены копиистом, нами приняты)</i>
<i>Стр. 561 строка 39:</i> чтобы	чтоб
<i>Стр. 562 строка 11:</i> всего этого	все это

Нужно заметить, что заглавие статьи «Николай Палкин» едва ли принадлежит самому Толстому, так как в рукописях этой статьи ни разу не встречается.

Первое как указано выше нелегальное издание «Николая Палкина» гектографированным способом сделано в 1887 г. Оно нам было недоступно.

Первым печатным изданием было женевское: «Николай Палкин. Графа Л. Н. Толстого, изд. Элпидина. Genève. M. Elpidine, Libraire-éditeur, 68, rue de Rhône. 1891. Оно дает вторую редакцию и сделано, очевидно, по какому-нибудь русскому подпольному неисправному изданию, потому что хранит очень значительное число и мелких и крупных ошибок, пропусков, неверных чтений. Среди пропусков есть целые абзацы. Это издание повторено в 1901 г.

С женевского издания начались заграничные перепечатки. Нам удалось видеть, например, берлинские издания: 1) Л. Н. Толстой, «Николай Палкин», 3-е изд. Дейбнера, Берлин, 1896 и 2) Л. Н. Толстой, «Николай Палкин». 3-е изд. Штейниц, Берлин, 1900.

Вторым печатным изданием было издание «Николая Палкина» В. Г. Чертковым:

Л. Н. Толстой, «Николай Палкин». «Работник Емельяи и пустой барабан». «Дорого стоит». «Не в силе Бог, а в правде» № 18, изд. Владимира Черткова, Purlough, Maldon, Essex, England. 1899. Текст Николая Палкина на стр. 3—14. Это издание, как и женеvское, дает вторую редакцию статьи и сделано не по рукописям, а по тексту подпольного издания, имеет частью те же очень крупные ошибки, пропуски, изменения, что и женеvское издание (хотя чертковское издание не было перепечаткой с женеvского), частью свои собственные. Предположение В. И. Срезневского о недостающей промежуточной рукописной копии, по которой могло печататься лондонское издание, изучением материала рукописного и самого издания не подтверждается.

Издание В. Г. Черткова в 1902 г. вышло с тем же титульным листом, но новой обложкой с пометой на ней: Generalvertretung Verlag Eugen Diedrichs in Leipzig.

Оно же вошло в «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных в России. Том X. Статьи 1882—1889 гг. Не в силе Бог, а в правде. Издание «Свободного Слова» № 70 под ред. В. Черткова. A. Tchertkoff Christchurch, Nants, England, 1904, стр. 75—86, и во 2-е издание собрания сочинений 1905 г. стр. 75—86. Указание предисловия в этих собраниях сочинений, что «Николай Палкин есть не что иное, как ни разу не пересмотренная и не исправленная автором беглая запись его в памятной книжке во время одного из путешествий пешком из Москвы в Туду» явно ошибочно. Чертковские издания дают текст не первоначальный, а позднейший.

Издание лондонское кладется в основу последующих заграничных и русских изданий статьи, но, как указано, его нельзя назвать ни удачным ни «более точным», как это делает библиографический указатель А. Бема (стр. 36).

Первым печатным изданием «Николая Палкина» в России была перепечатка из X тома сочинений Толстого издания «Свободного слова», сделанная «Всемирным Вестником» в 1906 г. № 10 (октябрь), стр. 37—46 и арестованная по распоряжению I Отделения канцелярии Главного управления по делам печати. Попытка типографии Вильде издать текст брошюрой в Москве («Л. Н. Толстой, Николай Палкин. Две войны. М. 1906») не удалась, брошюра была арестована Московским цензурным комитетом и московским генерал-губернатором. Арестована была и присуждена к уничтожению и в Петербурге брошюра: «Л. Н. Толстой. I. «Николай Палкин», II. «Две войны» № 12, кн-во «Обновление», 1906.

Первым точным изданием по рукописи было издание: Л. Н. Толстой, I. «Николай Палкин», II. «Что можно и чего нельзя делать христианину» под редакцией В. И. Срезневского. Пгр. 1917. Здесь также издана вторая редакция статьи по последней рукописи. Однако, как выше указано, сама рукопись-копия содержит много ошибок сравнительно с автографическими черновиками статьи. Поэтому издание В. И. Срезневского содержит эти ошибки переписчика.

Таким образом, строго говоря, первым сверенным со всеми сохранивши-

мися рукописями и вполне исправным изданием «Николая Палкина» является настоящее издание.

Издания черновых редакций и рукописей «Николая Палкина» указаны при описании рукописей.

Надо добавить, что имеется особое издание с заглавием «Николай Палкин»: «Свободная библиотека» № 6. Л. Н. Толстой, «Николай Палкин» и «Солдатская памятка». Склад издания: Петроград, Свезжинская ул. д. № 40. Контора журнала «Отклики Жизни». Это отрывки текста из «Хаджи Мурата» о Николае I, прямой связи с «Николаем Палкиным» не имеющие.

Рукописи «Николая Палкина» известны следующие:

1. Первый черновой автограф в Записной книжке Толстого 1880-х гг., хранится в ГТМ, архив М. Л. Оболенской, инв. № 96. Книжка в папке, в 8-ку, на 72 лл., не нумерованных. Наверху 1 л. рукою С. А. Толстой проставлена дата: «Апрель 1886 г.» Текст «Николая Палкина» писан черным карандашом на 1—9 лл. Издан был П. И. Вирюковым — Б, III, стр. 47—49. Печатается нами на стр. 563—567 буквально точно.

2. ГТМ АЧ XI 4а. А. Первая копия с чернового автографа, рукой В. Г. Черткова, тетрадка в синей обложке, на 16 лл. линованной бумаги, текст занимает 10 лл., писан с обеих сторон листов, без пагинации, черными чернилами. Копия сделана с большими пропусками неразобранных слов и с рядом ошибок. В местах пропусков, а также в нескольких других рукою Толстого коричневыми чернилами сделаны немногие вставки и поправки. Без заглавия. *Начало*: «Мы ночевали у 95-ти лѣтняго солдата...» *Конец*: «Опомнитесь, люди!» На ярлыке обложки черным карандашом неизвестной рукою запись: «Николай Палкин. Начало». Текст представляет дефектную копию. По ней опубликован отрывок В. И. Срезневским в «Былом» 1917, I, в «Утре России» 1917, 5 сентября и в «Голосе Толстого», 1917, 4. Нами из этого списка издаются в вариантах к № 1 на стр. 563—567 те места, которые поправлены были Толстым.

3. Б. Вторая копия с чернового автографа, неизвестной рукою, на 13 лл. белой писчей бумаги, с чернильной пагинацией рукою не Толстого через лист 1—7. Чернила копии синие. Весь текст сплошь сильнейшим образом правлен Толстым светло-коричневыми чернилами и снабжен вставками на двух особых листах. Таким образом рукопись содержит 15 лл. Без заглавия. *Начало*: «Апрель 1886 г. Мы ночевали у 95-лѣтняго солдата...» *Конец*: «Вѣдь это ужасно. — Опомнитесь люди!» Текст вместе с поправками представляет *вторую редакцию* статьи. Хранится он в разных местах: а) лл. 1—5; 9—15 в АТБ, собр. В. Г. Черткова, папка 28, шифр V. 10, 2 [Б, 1], б) листы 6—8 в АТМ № XI. 2 [Б, 2].

4. Особая копия с первых двух листов предшествующей копии, на 6 лл. писчей белой бумаги в 4°, четыре из которых сильно выгорели и порыжели. Неизвестной рукою, чернила темные. Текст незначительно стилистически поправлен светло-коричневыми чернилами рукою Толстого. Лист 6 чистый. Начало то же, что в № 3. Без заглавия. Конец обрывается словами: «как только онъ не можетъ больше ходить, кладуть». Текст представляет частичную поправку начала второй редакции статьи. Хранится в разорванном виде: а) первые 4 лл. в ИРЛИ № XI, 4 [Г, 1], б) последние два листа в АТБ папка 28 № V, 10, 2 [Б, 3], составляя обложку к выше

описанной рукописи За. На чистом листе запись С. А. Толстой: «Рассказ солдата и другие новейшие бумаги».

5. Особая копия с рукописей 4б и 3а, т. е. продолжение к рукп. 4 (причем 3б не копировалась, как совсем исключенная из работы автором), рукой С. А. Толстой, на 8 лл. белой писчей бумаги в 4-ку + 4 лл. особых вставок, а всего 12 лл. Черниласиние. Текст правлен светло-коричневыми чернилами рукой Толстого. Крупные сокращения, вставки на полях и особых листах. Текст представляет частичную правку средней и конечной частей второй редакции статьи. Хранится разрозненно: а) первые 4 лл. с пагинацией 9—16 ВИРЛИ № XI. 4 [Г, 2] *начало*: «ощупывает пульсъ и оглядывает и рѣшаетъ»... *конец*: «ногда вспоми-», б) следующие 2 лл. + 2 лл. вставка без пагинаций там же под № XI, 1 [В, 1], *начало*: «нали времена сумашедшего Павла...» *конец*: «если ясно», в) последние 2 лл. + 2 лл. вставка, без пагинации в АТБ папка 28 № V 10,1 [В, 2] *начало*: «станеть, что нелѣпо и жестоко»... *конец*: «Опомнитесь люди!»

6. Особый вариант места о царях, автограф, 1 л. белой писчей бумаги, в 4-ку, с небольшими поправками и перестановками. Хранится в ГТМ под № XI. 1 [В, 3]. Издан В. И. Срезневским в сборнике «Толстой. Памятники творчества и жизни», 2. М. 1920, стр. 4—7 и издается нами среди рукописных вариантов на стр. 568 под № 3.

7. Особый вариант места об обязанностях человека, автограф, 2 лл. белой писчей бумаги в 4-ку, текст с поправками Толстого же. Хранится в ГТМ № XI. I [В, 4]. Издается нами среди рукописных вариантов под № 4 на стр. 569. Оба особых варианта не включены Толстым в работу и имеют самостоятельный интерес.

8. Особая копия с 5 б., на 6 лл. белой бумаги, из них 4 лл. почтовых и 2 лл. писчих в 4-ку. Почтовые листы писаны неизвестной рукой, писчие рукой С. А. Толстой, поправки рукой Толстого только на копии С. А. Толстой — немногочисленные (стилистические и пропуски небольшие), на тех же листах более повдняя постраничная пагинация: 18—21. Текст — частичная правка правки 5 б второй редакции. *Начало*: «Былъ Николай Палкинъ. Зачѣмъ это вспоминать.....» *Конец*: «если ясно». Хранится в ГТМ № XI, 4 [Г, 3].

9. Особая копия с 5в, на 4 лл. белой писчей бумаги в 4-ку, рукой С. А. Толстой, синими чернилами. Поправки рукой Толстого коричневыми чернилами и черным карандашом главным образом в конце — невелики (стиль и сокращения), пагинация повднейшая постраничная: 24—31. *Начало*: «станеть, что нелѣпо и жестоко»... *Конец*: «Опомнитесь люди!» (зачеркнуто). Хранится в ГТМ № XI. 4 — [Г, 4].

10. Сводная рукопись, состоящая из механического соединения Г, 1, Г, 2, Г, 3, Г, 4, объединенная единой постраничной пагинацией: 1—31, и составляющая окончательный вид второй редакции (она же последняя). Без оглавления. По этой сводной рукописи текст издан Толстовским Музеем в Ленинграде: «Л. Н. Толстой. I. Николай Палкин. II. Что можно и чего нельзя делать христианину». Под ред. В. И. Срезневского. Пгр. 1917. По этой же рукописи издается нами текст на стр. 555—562 с вышеуказанными поправками.